

РАССКАЗЫВАЕТ НИК КАРИЕЛЛО (NICK CARRIERO)

2-я Дивизия Корпуса Морской Пехоты (КМП) США

Тулаги-Гуадалканал-Тарава

Я был полон больших ожиданий, когда в январе 1942 года вбегал вверх по заснеженным ступенькам к входу в одно из зданий Милуоки, где находился вербовочный центр Корпуса Морской Пехоты (КМП). На меня большое впечатление произвел знак, вывешенный внутри здания на одной из стен: ЗДЕСЬ ВЫДАЮТ ЛИЦЕНЗИИ ОХОТНИКАМ НА ДЖАПОВ. Один крупный малый – новобранец – показал на этот знак и хихикнул: «Ага, черт поberi, я уверен в том, что впишусь в квоту!»

На самом деле, я решил записаться в морпехи во временном пункте набора рекрутов в городе Расин, штат Висконсин, - в моем родном городе. Прежде чем отправиться в Милуоки, я посетил нотариальную контору вместе с моей полной тревогой мать, чтобы она подписала необходимые бумаги. Мать не хотела этого, говоря следующее: «Никки, как я тебе сказала: почему ты не можешь дождаться призыва?» Я уверен, она ожидала услышать и боялась твердого *Нет*, сказанного мною. Так что с глубоким вздохом и со слезами, стекающими по лицу, она медленно подписала бумагу и сказал с болью: «Я надеюсь, что этим не подписываю тебе смертный приговор.»

Из Чикаго в Сан-Диего

На поезде, отправляющемся в путешествие в Сан-Диего, мы, морпехи, собрались в одном вагоне. Все были возбуждены! Самым удаленным от дома местом, в котором я побывал к тому времени, был Чикаго, расположенный от него в 60 милях. По дороге мы курили, перебрасывались шутками, читали потрепанные журналы и спали, свернувшись калачиком на наших сидениях. Так прошло три дня, и все это время монотонный стук вагонных колес усыплял нас. Я находился в полудреме, когда ранним утром кто-то прокричал: «Боже мой, да посмотрите на это!» Я выглянул в окно и увидел, что мы въезжаем на вокзал Сан-Диего. Мы обрадовались этому и стали потягиваться. Когда мы повыпрыгивали из вагона, нас встретили автобусы и перевезли на учебную базу КМП. Там в тот же день нам сделали прививки, раздали униформу, после чего избавили от наших длинных локонов.

Нас строем отвели в столовую, где мы поглотили огромные стейки с овощным гарниром, тонны холодного молока, теплый хлеб и мусс с желатином. Затем нас отвели во временные казармы, где мы продолжили возбужденно переговариваться, хотя были сильно утомлены. Когда выключили свет, я заснул, как только моя голова коснулась подушки.

Меня разбудил звук горна, просигналивший *подъем*. Взглянув на часы, я увидел, что было только 5 утра. «Хо-хо, - подумал я. – Эти долбаные парни сошли с ума или что?» Я снова заснул. После этого в комнату ворвался желчный и злобный капрал, выкрикивая: «ОК, оставить свои ... и взять носки (*drop your cocks and grab your socks*)! У вас лишь 20 минут на то чтобы сходить по-маленькому и/или по-большому (*to do your number one and/or number two*) и побрить свои мерзкие рожи! Вперед!»

В полусне я скатился со своей койки нижнего яруса, и тут такие же сонные морпехи, спавшие надо мной, стали спрыгивать вниз и пару раз сбили меня с ног.

После наскоро съеденного завтрака мы узнали о том, что перебираемся из наших комфортабельных казарм в палатки. В каждой палатке размещались четверо морпехов. Нам сказали, что палатки станут для нас *родным домом/home, sweet home* до того момента, пока мы не покинем лагерь базовой подготовки через восемь недель. Вскоре после того, как мы перебрались в палатки, мы встретились с нашими инструкторами (*DI – drill instructor*). Одного из них звали Грин (Green), это был высокий, молчаливый и страшно деловой человек. Другой *DI*, имя которого я забыл – назовем его Блэк (Black), был намного ниже ростом, жилистый и разговорчивый. Не прошло много времени, и мы уже были на плацу, где произошло наше знакомство с бетоном и где мы начали изучать основы того, что значит быть морпехом.

Потянулись долгие дни, мы, новички, осваивали искусство хождения строем. Я обнаружил, что мне доставляет удовольствие слышать почти гипнотически воздействующий звук голоса инструктора, когда он лающим голосом выкрикивал такие команды как *Шагом марш! Левое плечо, вперед! Правое плечо, вперед! Назад марш! Направо! Налево! и Стой, раз-два!*

Фильмы, которые мы смотрели на открытом воздухе, были в основном военными и откровенно пропагандистскими. Мы угрожающе выли и топали ногами, когда на экране появлялись ненавистные японцы. Иногда, когда показывали кино с любовной темой, мы тоже злобно выли, потому что никого не интересовали слащавые и сверхчувственные сюжеты второразрядных фильмов.

На стрельбище нас ознакомили с тем, что офицеры по стрелковой подготовке многозначительно называли нашим *лучшим и единственным другом* – винтовкой *Springfield*, прославившей себя во время ПМВ. Она считалась самым надежным оружием со своим мягкодвигающимся болтовым затвором и магазином из пяти патронов. В первый же день на стрельбище я обнаружил, что у меня не 100-процентное зрение. Я точно стрелял по целям, находившимся на расстоянии 100-150 ярдов, но при большем расстоянии моя точность резко падала. Однако я умудрился получить приз за хорошую стрельбу. Хотя я знал, что школа снайперов не для меня, я приобрел уверенность в том, что смогу сразить японского солдата с расстояния в 150 ярдов.

На пути к местам боев

Через восемь недель наступил долгожданный день окончания базового курса, и наш взвод сфотографировался вместе с Грином и Блэком, которые стояли вместе нами с нарочито суровым видом. Затем Грин триумфально объявил: «А теперь слушайте! Вы расстались со своими девчачьими смешками и детским жирком! Теперь вы официально стали морпехами!» Мы разразились радостными криками, когда нам сказали, что вольемся во 2-ю Дивизию КМП, дислоцированную в лагере [Camp] *Gilbert* в 15 милях от нас.

Каким-то волшебным образом нас превратили из стаи не желавших никого слушать всезнаек в крепких, подтянутых и решительных морпехов. Девиз морпехов – *Верность Всегда и Во Всем/Always Faithful* – теперь, казалось, был выгравирован в наших душах. В лагере *Gilbert* мы прошли жесткую подготовку, в которую входили спуск по веревочному трапу с полной выкладкой, навыки штыкового боя, перемещение в лежачем положении под

огнем пулеметов, стреляющих боевыми патронами чуть выше наших голов, и марш-броски на 20 миль. Интенсифицировались слухи о том, что вскоре нас отправят на Тихий океан. Наконец пришло официальное сообщение об этом, и 2-й Полк 2-й Дивизии морпехов погрузился на суда, сопровождаемые большим количеством различных кораблей. Наш войсковой транспорт вместе еще с несколькими вышел в море одним июльским утром 1942 года. Я и несколько других парней стояли в кормовой части судна и зачарованно смотрели, как разноцветные полупрозрачные волны бегут из-под винтов. Огни Сан-Диего медленно гасли. Я думал о том, какие приключения и невзгоды ждут нас впереди...

Это плавание продолжалось несколько недель, и нас стала охватывать скука. Мы продолжали чистить свое оружие и слушать лекции о военной тактике японцев и философии поведения морпеха в бою. В итоге, нам сказали, что 8 августа мы будем высаживаться на острове Тулаги в архипелаге Соломоновы острова. 1-я Дивизия КМП должна была высадиться 7 августа на Гуадалканале, где японцы построили аэродром. Мы обрадовались, когда узнали, что нам предстоит принять участие в первой атаке, которая должна была остановить накатывающийся на обширные пространства бассейна Тихого океана вал японского наступления.

Тулаги

На борту нашего транспорта ночь перед высадкой на Тулаги была необычно тихой. Мы слышали о том, что 1-я Дивизия день назад встретила лишь незначительное сопротивление в ходе десантирования на Гуадалканал где-то в 25 милях от Тулаги. Наконец, наступил рассвет, и мы спустились по веревочным трапам в катера *Хиггинс/Higgins*. Перед нашей высадкой военные корабли подвергли остров ожесточенному обстрелу. Мы спрыгнули в воду там, где уже было неглубоко, подгоняемые подофицерами и офицерами, которые орали нам: «Вперед, вперед! Рассредоточьтесь, вы, тупые бараны!» Я ринулся вперед и прибавил ходу, но тут увидел мертвого окровавленного морпеха, скорчившегося на боку в полосе прибоя. Выбежав на берег, я услышал, как пули вражеского пулемета лупят по воде где рядом с моими ногами. Первая мысль, посетившая меня, была довольно глупой: «Эге, эти полоумные ублюдки пытаются убить меня!» Я был весьма благодарен тому парню, который швырнул ручную гранату и заставил замолчать тот проклятый пулемет.

Морпехи из 2-й Дивизии выбираютя на берег острова Тулаги. 7 или 8 августа 1942 года

После суматошного первого часа наш сектор был зачищен, и мы присели отдохнуть под пальмами, глотая теплую воду из фляг. Затем мы получили приказ продвигаться в направлении восточной оконечности острова, где мы вырыли себе ячейки и стали хвастаться друг перед другом тем, как мы здорово проявили себя в первом бою. Преисполненные бравадой, мы говорили о том, что немногие остававшиеся в живых японцы вскоре атакуют нас, и мы *зададим трепку их желтым задницам*.

После нескольких дней ожесточенных боев на острове стало относительно спокойно, и лишь небольшая горстка японцев продолжала оказывать сопротивление. Затем наш рота была переброшена на новый участок под названием *Китайская Деревня/Chinese Village*, который мы должны были удерживать.

На ночь мы расположились в стрелковых ячейках. Ближе к рассвету мы были разбужены двумя выстрелами. Морпех, сидевший в расположенной поблизости ячейке, крикнул мне: «Ник, что это была за чертовщина?» - «Бог ты мой, не знаю, но пригни голову пониже,» - сказал ему я и схватился за винтовку. Другая рука потянулась к нагрудному карману, чтобы я мог убедиться в том, что моя граната все еще на месте.

То, что предшествовало этому, стало сильным ударом по нашему боевому духу. Один из нашей роты, паренек из Миннесоты, которого звали Олмстед (Olmsted), выбрался из своей ячейки, по-видимому, для того, чтобы отлить. Морпех, стоявший в охране, услышал какое-то шевеление в темноте, запаниковал и выстрелил, убив Олмстеда... Мы все были потрясены случившимся и наутро пребывали в мрачном настроении. Когда мы покидали деревню, морпех, который убил паренька из Миннесоты, сидел, упершись спиной в дерево. У него был отсутствующий взгляд, и он не мог даже поднять голову и посмотреть на нас, когда мы проходили мимо него. Я мало знал о нем, но мне было его очень жалко. «Как он будет дальше жить с этим,» - думал я. Через несколько дней его перевели в другую часть. Это было сделано на тот случай, если кто-нибудь из друзей Олмстеда захочет отомстить ему.

Как-то ночью мы услышали приближающийся звук катера, который мы называли почтовым. Это было небольшое судно, курсировавшее между Тулаги и Гуадалканалом и развозившее почту, людей и грузы. И ту неожиданно мы увидели длинную полосу света — это был луч прожектора японского корабля, вероятно, эсминца, нашедший в темноте беспомощное почтовое судно. Эсминец открыл огонь, и оно взлетело на воздух, послав в небо фонтан горящих обломков. Потом мы услышали голос, доносившийся из воды, оттуда, где горело то, что осталось от катера: «Помогите, господа, хоть кто-нибудь, пожалуйста, помогите!» Но катер был слишком далеко от нас, и мы ничего не могли сделать. Слабеющие крики о помощи доносились до нас еще несколько минут, потом все стихло...

Я живо помню другую ночь, когда японские корабли обстреливали Тулаги в течение получаса. Мы залегли на дне наших стрелковых ячеек, и я был полон желания спрятаться в собственной каске. Было страшно: осколки пролетали над нашими головами, напевая свои смертельные песенки. Утром мы узнали, что двое морпехов погибли под обстрелом.

На следующий день я оказался среди группы добровольцев, вызвавшихся принять участие в высадке на небольшой островок, распложенный рядом с Тулаги: на нем было замечено

некоторое количество удравших туда японцев. Мы погрузились на катер *Хиггинс*, и уже через несколько минут он уткнулся носом в песок пляжа. Была организована патрульная группа, которой предстояло обойти вокруг острова. Мы с предосторожностями тронулись в путь. Неожиданно прогремела очередь из ручного пулемета *Браунинг (Browning Automatic Rifle – BAR)*, который нес один из морпехов, шедший впереди. Я был третьим в нашей цепочке и уже вскоре был потрясен, увидев тех, кому была предназначена эта очередь: в небольшой пещере лежали три изуродованных японских трупа. К стенам пещеры прилипли обрывки человеческих кишок, они были забрызганы кровью, запах которой накатил на нас волной... Мы завершили обход острова по кругу, потом пересекли его без дальнейших происшествий. По иронии судьбы, позднее мы узнали, что убитые японцы, по всей видимости, выбросили свои затворные винтовки до того, как мы натолкнулись на них. У них это было обычной процедурой для того, чтобы их оружие не досталось врагу...

Постепенно к нам стали прибывать различные припасы, но нам все еще не хватало провианта. До этого мы нашли консервные банки с какими-то странными японскими овощами, но эта добыча оказалась не такой уж плохой на вкус, правда, мы здорово оголодали. Кроме того, мы набрали на мешки с японским рисом, в котором уже завелись жучки. Сначала мы осторожно избавлялись от них, но это было утомительным занятием, так что мы сдались, сказали себе «черт с ними» и отшутились тем, что жучки только прибавляют протеина. В одном из сараев нам достался еще один сюрприз: японские порнографические журналы! Хихикая и подталкивая друг друга локтями, мы стали рассматривать черно-белые рисунки, вдоволь посмеявшись над этими грубовато сделанными художествами.

Через два месяца, проведенных нами на Тулаги, стали приходить новости о том, что на Гуадалканале складывается тяжелая ситуация. Японцы высаживали на острове значительные силы, участились ожесточенные боестолкновения. Кроме того, морпехи постоянно находились под огнем японской корабельной артиллерии и под атаками бомбардировщиков. В конце октября мы услышали о том, что нас отправляют на Гуадалканал, чтобы усилить находившуюся там и потрепанную в боях 1-я Дивизию КМП. Мы встретили это известие радостными криками, подбрасыванием касок в воздух и похлопыванием друг друга по спинам. Нам не терпелось принять участие в большом шоу...

Патруль морпехов продвигается по руслу реки Тенару/Tenaru River. Северное побережье острова Гуадалканал

Когда мы на следующее утро шли на *Хиггинсах* к Гуадалканалу, дул бриз. Я смотрел на покрытый пышной растительностью, темный профиль Тулаги и думал о том, что там я повзрослел. Я видел убитых морпехов и растерзанных пулями японцев, и эти жуткие сцены застряли у меня в памяти. Хотя мне было всего 19, теперь я был мужчиной, и, определенно, морпехом.

Гуадалканал

Приближаясь к Гуадалканалу, мы увидели множество высаженных вдоль пляжей кокосовых пальм. Остальная часть побережья выглядела темной полосой с ее пышной растительностью. Над выглядевшими зловеще расположенными южнее горами висели черные дождевые облака. Выгрузившись из *Хиггинсов*, мы натолкнулись на местных жителей, приветствующих нас таким вопросом: «Есть ли у тебя сигаретка, друг?/You got a ciggie, friend?» Я заметил среди них одного веселого человека средних лет со страшно распухшей ногой. Позднее санитар объяснил мне, что это, вероятно, было последствием тропического заболевания под названием *элефантиазис/слоновость*.

Мы продвинулись вглубь острова и стали лагерем, предварительно вырыв необходимые в любом случае стрелковые ячейки, которые пригодились уже вечером, когда японские корабли обстреляли побережье. Эта стрельба приводила в полный ступор, так как снаряды проносились с диким воем и взрывались на расположенном поблизости аэродроме *Henderson* и между пальм, под которыми располагались мы. В тот вечер мы потеряли еще двух морпехов, включая приятного паренька по фамилии Гейдан (*Gueydan*) из штата Миссури.

На реке Матаникау

Следующие несколько дней были полны слухами о предстоящей операции. Нам подвезли в грузовиках дополнительные боеприпасы, воду и провиант. Потом пришло сообщение о том, что моя Рота *F (Fox)* будет действовать вместе с несколькими частями 1-й Дивизии, занимая оборонительные позиции на побережье.

Мы начали продвигаться через кокосовую плантацию: в дальнейшем мы должны были вступить в соприкосновение с противником у реки Матаникау/*Matanikau*. Наша рота медленно шла вперед несмотря на огонь вражеских снайперов и минометный обстрел. Напряжение было почти невыносимым, и мы старались следовать одному из данных морской пехоте завету – продвигаться, рассредоточившись. Неожиданно на нас начали падать артиллерийские снаряды. Кто-то закричал: «Это 37-миллиметровки!» Ты слышал грохот выстрелов, после этого, казалось, почти сразу доносился наводящий ужас грохот разрыва этого проклятого снаряда где-то рядом. Хорошо, что рядом со мной был мой хороший друг Стэнли Глоуич (*Stanley Glowacz*) из Небраски. Он был жизнерадостным и говорливым малым с великолепным чувством юмора. Стэнли погибнет в боях за остров Тарава...

Мы залегли немного в стороне от тропы под стволом, которому не дало упасть другое дерево. У моего лица жужжали москиты, мои руки все были в кусачих муравьях. Время от

времени я смахивал их, стараясь, словно барсук, зарыться поглубже в вонючую, разлагающуюся растительность. Загрустив, я подумал о том, что моя жизнь застрахована на сумму в 10 000 долларов. Не так давно я написал своей сестре Мэри, что, если со мной что-нибудь случится, она должна будет сказать нашим родителям, чтобы они купили на эти деньги машину, а остаток использовать для выплаты долга за дом... Я трясся, обливался потом и ругался. Я ежился от страха и молился: «Боже, спаси и сохрани. Я буду творить добрые дела и стану лучше, чем был. Честное слово, стану!»

Потом взвыл и упал рядом снаряд. До меня донесся панический крик: «Санитар, тут кого-то зацепило! Санитар, поторопись!» 37-мм снаряд упал между раскинутыми ногами одного из морпехов и разорвал его буквально пополам. Минут через пять, когда обстрел начал ослабевать, Стэнли Глоуич прокричал: «Черт возьми (Holy shit)! Посмотри влево. Смотри же!» Я повернул голову и был полностью ошарашен: по узкой тропе преспокойно шагали двое генералов морской пехоты в аккуратной униформе цвета хаки. У того, который был повыше ростом, были знаки различия однозвездного генерала, у второго – двухзвездного. У обоих в руках были тросточки, у каждого на боку была кобура. Тот, что был пониже ростом, к моему изумлению, покуривал сигару, и дымок вился вокруг его головы. И здесь, где-то неподалеку были снайперы! Я был под впечатлением от их спокойствия. Эта пара шагала с широкими улыбками на лицах, словно они только что вышли из какого-то сельского клуба и направляются домой. Тот, который повыше, повторял негромким и обнадеживающим голосом: «Все прекрасно, мальчики. Пришло время двигаться вперед. Давайте-ка сделаем это прямо сейчас.» Генералы не орали и не упрасивали. Они не ругались и не повышали голос. Тот, который повыше, просто спокойно повторял снова и снова: «Время двигаться вперед, парни.»

Артобстрел, практически, прекратился, когда один из подофицеров рявкнул: «ОК, вы, неженки хреновы/*friggin' pansies*. Вперед! Рысью (Double time)! Но на самом деле в нас пробудил мужество, в котором мы так нуждались, этот невероятный пример храбрости, которую продемонстрировали под огнем двое немногословных генералов. Вместе с другими я выпрыгнул из укрытия и ринулся вперед, делая зигзаги, падая на землю и вновь поднимаясь. Мы зачистили несколько огневых точек японцев и даже нашли 37-мм пушку. Несколько морпехов остановились и с гоготом помочились на нее. Я набрел на труп убитого японского офицера, у которого оторвало часть головы. Наскоро обыскал его и нашел крошечный японский флаг, но наиболее ценной находкой оказалась небольшая коробочка с двумя палочками для еды, сделанными из слоновой кости и покрытыми изящной резьбой. Я по-быстрому затолкал эти трофеи в свой рюкзак.

Наш рывок вперед вскоре застопорился, когда стало ясно, что японцы отступили. Нашу роту отвели назад для прикрытия восточных подходов к наиболее важному узлу обороны – аэродрому *Henderson*. По счастью, это был относительно спокойный участок, и мы смогли немного расслабиться. При этом мы досконально обсудили происшествие с появлением двух генералов, которые вдохновили нас на атаку и которых мы больше ни разу не увидели. В суматохе того боя мы так и не узнали их имен. Откуда они были: из 2-й или из 1-й Дивизии? Офицеры генерального штаба или просто важные визитеры?

Через несколько дней нас перебросили на участок, где ситуация была погорячее. Теперь погода установилась такая, что дожди шли почти каждый день. Наши башмаки тонули в липкой грязи. Тягостным дополнением к этому были постоянно присутствующие тучи насекомых, которые непрерывно жужжали, забивались в ноздри и забирались за воротник постоянно мокрых рубашек. Больше всего нас донимали проклятые москиты! Временами

казалось, что они были размером с колибри. Однажды я с интересом понаблюдал, как здоровенный москит присел мне на руку, забурил свое жало мне в кожу, насосался крови и улетел, накачанный моей кровью. Я сказал какую-то глупость вроде *Ужин за мой счет, друган...*

Наша рота приступил к патрулированию, которое проходило без происшествий, пока одним утром мы не попали в засаду. Мы переходили через какую-то гряду в джунглях, когда попали под огонь противника. Потери были значительными, среди погибших был парень по имени Джек, который был убит, когда пытался установить для стрельбы свой пулемет. Один из морпехов – Саттлз (Suttles) по прозвищу *Поп/Поп* – вполз на какой-то бугор, залег там и стал осматриваться. Я находился рядом с ним, но пониже, и услышал глухой удар. Саттлз свалился с бугра с пулей в груди. Я заорал, подзывая санитаря, но тот крикнул в ответ: «Тащи его сюда!» Саттлз стонал, пока я и еще один морпех стаскивали его вниз по склону гряды. Но он умер. Потом я снова забрался на ее гребень и бросил в расположенную ниже долину гранату. Она взорвалась, и я услышал возбужденные голоса японцев. «Может, мне повезло,» - подумал я тогда... Мы подобрали своих раненых и убитых и пробились обратно, на свой спокойный участок.

Гуадалканал с его тяжелейшим климатом стал для нас адской дырой. Такие болезни как дизентерия, малярия, тропические язвы, все это вместе с недоеданием, истощало наши силы. Обездоленность и депрессия – эти два чувства доминировали в этом мерзком краю, кишевшем готовыми сражаться до последнего японцами.

На отдыхе в Новой Зеландии

В конце концов, в январе (1943-го) мы услышали, что 1-я Дивизия морпехов отбывает в Австралию. На Тихий океан начали прибывать армейские части, и вскоре сухопутные войска стали сменять нас, в то время как японцы были уже на грани поражения. Мы отбыли в Новую Зеландию на отдых и восстановление сил 31 января. На борт судна поднялась оборванная и потрепанная в боях толпа. Многие из нас сильно исхудали и были очень утомлены, некоторые растеряли боевой дух, но большая часть из нас не утратила чувства братства и гордости за морскую пехоту. При этом мы твердо верили в то, что девушки в Новой Зеландии окажутся симпатичными и покладистыми. Так оно и случилось... Уже вскоре настроение в нашем лагере резко улучшилось, в то время как мы поправлялись на баранине и свежем молоке, жарком и стейках, рыбе и фруктах. Оно стало еще лучше, когда [Арти Шоу](#) (Artie Shaw) и его свинг-бэнд нанесли нам визит и сыграли кучу популярных мелодий, таких как *Begin the Beguine*. У нас просто крыша поехала, и мы стали отплясывать в проходах друг с другом.

В Веллингтоне был доступ к пиву и тому, что покрепче. Мы ходили в танцзалы и бары, нас приглашали к себе новозеландцы, благодарные нам за то, что мы спасали их от японцев. Романтические отношения с местными девушками процветали, а для некоторых морпехов даже прозвенели свадебные колокола...

Мы поняли, что вот-вот на фронте снова пойдут серьезные дела, когда нам выдали новые (по крайней мере, для нас) винтовки *M-1 Garand*, полуавтоматические и с магазином, вмещающим 8 патронов. Месяц за месяцем мы отрабатывали десантирование на пляжи. В ноябре 1943-го, после 8 месяцев, проведенных в Новой Зеландии, наша дивизия получила пополнения и теперь насчитывала около 20 000 человек. В итоге, мы погрузились

на корабли. После нескольких дней в море нам рассказали о том, что нам предстоит. Мы должны были захватить аэродром на атолле Тарава в центральной части Тихого океана.

Тарава

Главной целью в пределах атолла Тарава был остров под названием Бетио/Betio. На нем находился аэродром с полосой для бомбардировщиков. Его захват был критически важным, поскольку японские самолеты, базирующиеся на нем, представляли из себя угрозу морским путям союзников, ведущим из Австралии и Новой Зеландии к Гавайям. Бетио был окружен представлявшим из себя препятствие кольцом коралловых рифов. Он был всего лишь 2.5 мили в длину и максимум 800 ярдов ширину. Его высота над уровнем моря не превышала 10 футов. Как пишут военные историки, этот крошечный песчаный пятючок оказался наиболее сильно укрепленным куском земли, на который когда-либо высаживались силы союзников на Тихом океане. Японский контр-адмирал Сибасаки (Meichi Shibasaki), командующий гарнизоном острова, хвастался перед своими 4 800 бойцов, что «миллион американцев не возьмет Тараву даже за сотню лет.»

Укрепления были впечатляющими. Стальными и бетонными барьерами, минными полями и протяженными проволочными ограждениями были покрыты все три пляжа, выбранные для десантирования. По всему острову были раскиданы почти 500 ДОТов и ДЗОТов. Здесь были также 8-дюймовые орудия, укрытые в башнях. В дополнение к этому, остров обороняли зенитки, противокорабельные пушки и гаубицы. Пулеметы, казалось, были везде и всюду, как и огромное количество минометов.

20 ноября 1943 года. Десантные катера ждут приказа о начале высадки, пока остров Бетио обстреливает корабельная артиллерия...

Вечером перед десантом мы сидели и чистили наши и без того идеально отполированные винтовки. Я посматривал на полные тревоги лица своих товарищей-морпехов, но тут на нас нахлынула бравада. Мы перешучивались, курили, цеплялись друг к другу, обливаясь потом, слонялись по палубе или сидели по углам. Один парень, которого прозвали *Большой Рыжий из Алабамы/Big Red from Alabama*, поинтересовался, «нет ли там, на

острове, каких-нибудь сексапильных и сговорчивых девиц», произнеся это со своим южным акцентом. Мы заржали, проявили максимальный энтузиазм и закричали: «Да, да, конечно!» Потом один морпех встал и запел довольно похабную песенку, которую многие из нас знали. Потом кто-то запел [гимн Морской Пехоты](#), и все мы подхватили его. Под конец мы долго и упорно веселились и резвились. Конечно, мы были морпехами, но я заметил у многих влагу в глазах...

Около 3 часов ночи 20 ноября 1943 года пришел приказ готовиться к погрузке на десантные средства. Мы подхватили оружие и пожали друг другу вспотевшие руки. Потом было то, через что пехота проходила одно столетие за другим: мы ждали, ждали и снова ждали в страшном нервном напряжении. Я признался сам себе, что испытываю страх, сильный страх. Потом я подумал: «Эй, это к лучшему. Я буду более собран.» Пришел приказ спускаться по веревочным трапам в [амтраки](#). Они были медленными, но способными выезжать на берег в условиях сильного прибоя. Я пробрался вперед и встал за один из двух пулеметов калибра .50, находившихся в носовой части амфибийной машины. Хотя я был всего лишь молодым рядовым 1-го класса, мой командир отделения выбрал меня для этого боевого поста, - я был чрезвычайно горд этим и знал, что другие мне завидуют. Я проверил пулемет, который уже был заряжен. Покрывавшая его свежая краска отражала тусклый свет и придавала ему угрожающий вид. Поглаживая пулемет, я сказал ему что-то глуповатое вроде: «Не подведи меня, друган.» Пока амтраки болтались на волнах, линкоры *Colorado* и *Maryland* обстреливали остров из своих 16-дюймовых орудий. Мы радостно кричали, видя, как к берегу с воем несутся раскаленные докрасна снаряды. Огромные огненные шары поднялись в воздух над островом, вероятно, указывая на то, что было попадание в склад боеприпасов. Клубы черного дыма окутали пляжи, когда начались атаки на Бетио с воздуха. Стал нарастать невероятный по интенсивности шум. Я, не веря своим глазам, смотрел на этот хаос, создаваемый корабельной артиллерией и самолетами. Я живо помню, что крайне сильно насторожился и почувствовал, что мое сердце заколотилось. Глядя на нашу армаду, я чувствовал себя, словно крошечный винтик, закрученный в огромную смертоносную машину. Потом я взглянул на своего товарища, второго пулеметчика, парня с угрюмым и небритым лицом. Но он улыбнулся, быстро показал мне символ победы (*из двух пальцев – ВК*) и снова занялся своими делами.

Наконец пришел приказ брать курс на остров: наша машина была в первой волне. Пока амтраки двигались к берегу, у меня во рту появился такой вкус, словно я жую вату. Я глотнул воды из своей фляги, но это не помогло... Мы были, вероятно, ярдах в 50 от берега, когда страшный грохот сражения стал еще сильнее. Он пронизывал тебя так, что это было невозможно себе представить. Наводящее ужас крещендо было почти парализующим: я думал, что лопнут мои барабанные перепонки. Этот грохот создавали флотские пикирующие бомбардировщики, разбрасывающие свои смертоносные *яйца* по всему дымящемуся острову. Истребители поливали из пулеметов пляжи. В этой какофонии участвовали и военные корабли, выпускающие залп за залпом по берегу. Треск вражеских пулеметов, тяжелых и легких, был почти непрерывным. Повсюду на фоне голубого неба были видны разбитые пальмы. Клубились дым и пыль, видимость стала очень плохой. Потом слева от себя я заметил нечто невероятное: какой-то храбрый командир подвел свой эсминец вплотную к нашему участку высадки, при этом его винты яростно били по воде, не давая ему сесть на грунт. Его 5-дюймовые орудия вели огонь по берегу, поддерживая нас. Двое моряков, один из которых сидел, а другой стоял, стреляли по одной из огневых точек японцев из автоматов.

Я открыл огонь из своего пулемета. Он беспорядочно дергался в моих вспотевших руках, что сильно затрудняло прицеливание, тем более что амтрак, словно сумасшедший, болтался на волнах прибоя. Однако я сумел сконцентрировать огонь на береговой линии, пока мы приближались к ней. Тогда-то я и увидел их. Восемь или около того вражеских солдат в коричневой форме бежали к большому бункеру сквозь стелющийся дым. Я повернул свой пулемет, хорошенько прицелился и нажал на гашетку, но ничего не произошло. «Черт возьми!» - прокричал я: мое оружие заклинило. Я второпях попытался привести его в порядок, но ничего не вышло. «Ты, вшивый кусок дерьма!» - заорал я в гневе и сильно ударил по нему кистью руки, но потом понял, что зря теряю время. Я схватил свою винтовку и сделал три выстрела, прежде чем японцы нырнули в свой бункер. Может, я ранил или убил несколько человек, кто знает?

Неожиданно наш взводный, Рэнди Джонсон (Randy Johnson), бесстрашный парень из Миннесоты, прокричал: «Все вниз! Вытаскивайте свои чертовы задницы из машин!» Мы немедленно подчинились, при этом вражеский огонь хлестал по воде рядом с амтраком со всех сторон. В итоге, машина воткнулась в песок и проехала вперед несколько ярдов. «Выпрыгивайте, немедленно!» – заорал Джонсон. Мы вывалились из машины через ее борт и оказались на мокром песке. Джонсон продолжал орать: «Черт возьми, рассредоточьтесь и двигайтесь вперед. Давайте, давайте!» Я рванул вперед по вязкому песку, придавленный к земле свои грузом: двумя гранатами, двумя флягами, боеприпасами на поясе, саперной лопаткой, каской весом в три фунта, рюкзаком, набитым разными вещами, и винтовкой весом 9.5 фунтов. Я хотел бы, чтобы на мне была броня вместо формы...

Тарава. Морпехи, укрывшиеся за невысоким волноприбойным уступом, наблюдают за тем, как амтрак пытается продвинуться в направлении оборонительных позиций японцев

Я и несколько других парней, продвигаясь вперед, нашли большую воронку метрах в 20 от кромки воды. Мы залегли на самом ее дне, помня о проносившихся со свистом над нашими головами пулеметных очередях. Наконец огонь прекратился. Я поднял голову и задумался

над тем, не стоит ли бросить гранату в пулеметное гнездо, которое я разглядел за каким-то бревном. В школе играл в футбол, и рука у меня довольно сильная, однако расстояние до японцев было слишком большим. Я открыл бешеный огонь по этому гнезду из своей винтовки, двое других морпехов присоединились ко мне, а у одного из них был ручной пулемет. Очереди из его *Браунинга*, хотя они и оглушили нас, прибавили нам уверенности. Мы услышали отдаленный визг, и парень с *Бранунигом* спросил на: «Эй, как вы думаете, мы кого-то замочили?» Я ответил: «Да, я так считаю. Возможно, они опустят головы на какое-то время.» Над нашей воронкой клубился дымок от ружейной и пулеметной стрельбы. Поскольку ответного огня не было, мы сочли, что пулеметный расчет японцев ушел вглубь острова...

Раньше мне ни разу не было так страшно, как теперь. Этот страх пронизывал меня до мозга костей. Я заметил, что дышу поверхностно, поэтому заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. У меня во рту был постоянный металлический привкус, что казалось мне странным. Страх не покидал меня. Я заметил, что мои мускулы были напряжены, а сам я уже был измотан до предела. В этой жаре, такой же, как в сауне, было невозможно расслабиться, и это отнимало у меня силы. Тарава ведь была всего лишь в 80 милях севернее экватора. Мои губы начали трескаться, лицо обгорело. Я был весь мокрый, все прилипало к телу, потому что пот собирался под мышками и потом стекал вниз по груди и ногам.

Неожиданно просвистела мина и упала у бровки нашей воронки всего в нескольких футах от нас. Мы нырнули на дно и свернулись там в клубок, ругаясь и произнося молитвы, но ничего страшного с нами не случилось: мина не разорвалась. Мы все еще были потрясены случившимся, когда решили, что пора выбираться из этой ямы, так что мы рванули из нее и побежали вперед. Затем этот долбаный пулемет ожил, и я услышал, как пули застучали по песку совсем рядом с моими ногами. Тогда-то я и совершил нечто опасное и, видимо, глупое, но это, вероятно, спасло мне жизнь. Я увидел небольшой вход во что-то, что, по-видимому, было вражеским бункером, и без промедления нырнул туда. Этот бункер был аккуратно выкопан, по всему его полу были разбросаны пустые консервные банки, в воздухе висел запах какой-то странной пищи. По счастью, в нем не оказалось японцев, иначе я сложил бы там голову.

Выйдя из бункера, я заметил, что моих товарищей рядом нет, так что я ринулся вперед. Увидел еще одну большую воронку и плюхнулся в нее. В ней оказалось четверо морпехов, ни одного из них я не мог узнать, но они, по всей видимости, знали друг друга. Один из них был сержантом, у него было ранение в районе паха. Его наскоро перевязали, и он стонал, время от времени прижимая окровавленные руки к ране. Мы переговорили и пришли к согласию в том, что сержанту нужна неотложная медицинская помощь. Мы были ярдах в 40 от пляжа, и двое парней вызвались сходить за носилками.

Приближались сумерки. Мы с нетерпением ждали этих ребят. Раненый сержант продолжал стонать. До нас все время и со всех сторон доносилась стрельба. Наконец двое мокрых от пота морпехов вернулись. Мы осторожно положили переставшего стонать сержанта на носилки, один из парней тихо сказал: «Пошли», и мы быстро тронулись в путь. Огонь прекратился, и установилась какая-то странная тишина. Стало почти темно. Мы осторожно продвигались к пляжу, ожидая, что по нам могут открыть огонь снайперы, но этого не случилось. Я, вероятно, захотел выдать желаемое за действительное и подумал, что снайперы не открывают огонь, потому что мы несем раненого, но это было маловероятно...

Двое морпехов помогают раненому товарищу, унося его в безопасное место

Ранение

Когда мы подходили к пляжу, морпехи, мимо которых мы шли, выглядели словно тени. Неожиданно прогремел оглушающий взрыв, и я почувствовал, что меня будто бы подхватила какая-то огромная рука и с размаху бросила на землю. Помню, что я лежал и удивлялся: что я делаю, лежа спиной на земле. Потом я сумел перевернуться. В ногах у меня было такое ощущение, что их обожгло паяльной лампой: они словно горели, а боль от впившихся в них осколков вражеской гранаты была просто невыносимой. Множество других осколков вонзились в мои ягодицы и верхние части бедер. Раздались крики: «Санитары!». Я орал: «Мои ноги, мои ноги, их что, больше нет?» Я был уверен в том, что умираю. Поднялась паника, раздались возбужденные крики: «Разберитесь с этим японским ублюдком! Кто-нибудь, прикончите его!» Те из нас, кто тащил носилки, были уверены в том, что нас приняли за вражеских солдат, потому что было почти темно. Я заорал: «Эй, вы, ради Христа, мы – морпехи!» Остальные присоединились ко моим крикам. Потом я разглядел силуэт морпеха, который проорал в ответ: «Черт возьми, парни! Я это знаю! Знаю!» Он выдернул чеку из гранаты и швырнул ее в какую-то яму. Раздался глухой взрыв, и он закричал с триумфом: «Вот! Я прикончил их! С ними все!»

Из темноты каким-то волшебным образом вынырнули парни с носилками. Меня уложили на них, тем временем санитар умело сделал мне укол морфия. Мне показалось, что я узнал голос одного из санитаров, и я сказал: «Эй, Тим, это ты?» Он ответил: «Да, а ты кто?» Я сказал, кто я, и он ответил дрожащим голосом: «Боже мой, сколько парней из Роты *Фох* я сегодня подобрал. Мы добрались до первого перевязочного пункта, и меня сняли с носилок. Человек с фонарем осмотрел меня, и потом я услышал самые приятные слова в моей жизни: «Доктор, кровотечения нет.»

Наступило утро. Я все еще был в легком морфийном тумане, но увидел, что подкрепления бредут к пляжу по пояс воде. Они были легкой мишенью для азартных японских стрелков и умирали десятками. Некоторые из трупов торчали из воды наполовину и выглядели, словно большие тряпичные куклы. Тела убитых начали наваливаться друг на друга по двое-трое в одну кучу и теперь выглядели словно плавник. Позднее я узнал, что их *Хиггинсы* застряли на рифах, так как высота приливной волны была неправильно рассчитана теми, кто планировал высадку.

Эвакуация с острова

Часов в 9-10 утра меня снова положили на носилки и понесли к длинному деревянному пирсу. По пути я видел свидетельства неопишемого хаоса и недавнего побоища. Трупы морпехов и японцев, некоторые из них сплетенные друг с другом, были раскиданы повсюду. Вонь стояла страшная. В воде плавали распухшие тела, некоторые из них – лицом вверх, другие – лицом вниз. Были видны несколько подбитых танков и множество обездвиженных амтраков. Японские огневые точки были разнесены вдребезги и дымились.

У причала мои носилки были уложены в надувную лодку, в которой было еще несколько раненых. Потом морпехи и санитары стали толкать эту лодку вдоль причала, который протягивался на 1 000 футов в лагуну. Мы быстро попали под винтовочный огонь японцев, которые засели в поврежденных и обездвиженных амтраках. Несколько морпехов получили повторные ранения, и их временно укрыли под причалом, другие вернулись и зачистили пляж от снайперов. В конце причала меня переместили в один из *Хиггинсов*, который должен был доставить меня на войсковой транспорт, где были врачи. Санитар спросил меня, хочу ли я получить еще один укол морфия. Я все еще был в полутумане, но сумел покачать головой и сказать *нет*. Позднее я часто думал о том, что дополнительная доза морфия могла убить меня...

Медперсонал занят размещением на госпитальном судне раненых в ходе высадки на Тарау

Я смутно припоминаю, что на транспорте меня осмотрели, помню, что раскачивался в воздухе вместе с носилками, словно маятник. Я видел крейсера и линкоры, делающие осторожные круги, и эсминцы, находившиеся в охране авианосцев и патрулирующие окрестные воды в поисках вражеских подводных лодок. Помню, как меня понесли куда-то, голоса, выкрикивающие приказы, потом я почувствовал, как заботливые руки подняли носилки. Эти руки осторожно понесли меня по горячей палубе, потом спустили в какой-то люк и вниз по трапу. Около шлюпбалки я успел увидеть три безжизненных свертка – они

были закутаны в американские флаги. Наша рота была в первой волне и понесла тяжелые потери. Мне было любопытно, знаю ли я кого-нибудь из тех, кто был завернут во флаги.

Потом я услышал командный голос, сказавший: «Вносите его!» Меня положили на стол, одежду с меня срезали, и по ходу дела из моего кармана выпала граната и покатила по полу. Медицинский персонал запаниковал, раздались крики: «Граната! Мать твою..., граната» Я сумел пробубнить: «Ничего, ничего, с ней все в порядке, все ОК. Она безопасна, пока чека на месте.» Разразился нервный хохот, и напряжение спало, при этом доктор и санитары дразнили друг друга и обзывали друг друга слабаками/*wimps*. Потом меня перевернули на живот, и доктор быстро начал обрабатывать мои ноги. Я услышал звяканье – это осколки вываливались из моих ран в металлический поднос. Это звучало почти как музыка, подумал, впав в черный юмор. Да, немного музыки. Всему приходит конец, и меня снесли на одну из нижних палуб вместе с остальными ранеными. Условия там были ужасными. Все пропахло потом, немытыми телами и антисептиком. Кроме того, было очень жарко.

До меня доносились стоны других раненых: я лежал на койке нижнего яруса. Тут я узнал одного из раненых, лежавшего недалеко от меня. Его звали Джоуи (Joey), и был он из моей роты. У него была перевязана правая рука, и он сказал мне, полный эмоций, что ему оторвало одно яичко. Он беспокоился об Арчи и Томе, двух своих братьях. Все трое записались в армию в Рино/Reno и все прошли через Тулаги и Гуадалканал без единой царапины. «Ник, ты их не видел?» - спросил он меня с тревогой. Я сказал: «Прости, Джоуи, но я не видел ни одного, ни другого.» Позднее мы узнали о том, что оба его брата пережили Тараву.

На воткнутой в песок винтовке висит емкость с кровяной плазмой. Санитары оказывают помощь раненому морпеху. Тарава, 1943

Затем до нас дошла радостная весть о том, что ожесточенное сражение за Тараву завершилось. Три дня японцы яростно сопротивлялись и не собирались сдаваться. Их пришлось бомбить, взрывать, выжигать из укрепленных пунктов и наскоро вырытых ими окопов. Мы также узнали о том, что значительная часть наших потерь была связана с тем, что *Хиггинсы* застряли на этом долбаном рифовом барьере из-за трагической ошибки в

расчетах высоты прилива. Были выучены горькие уроки, и это было учтено перед будущими десантами морпехов и армейских частей, что спасло множество жизней.

Вероятно, в наши дни большинство американцев даже не слышало про Тараву. Если человека спросят, он скажет, что это популярная рэп-группа или новая модель японского автомобиля. Вероятно, люди будут удивлены, узнав, что всего за три дня этой мясорубки были убиты 997 морпехов и 2 233 были ранены. Еще 88 пропали без вести и считаются погибшими. Погибли еще 30 моряков, 59 были ранены. Японцы потеряли намного больше людей: из 4 800 солдат и офицеров адмирала Сибасаки выжили только 17, его самого среди них не было...

На пути к Гавайям – Пёрл-Харбор

Все, кто был на борту, начали долгое путешествие к Гавайям. Перегруженный работой медперсонал, удерживал нас в спокойном состоянии с помощью морфия. Хочешь укол? Стоило только попросить, и ты его получал. Я был среди многих, кто просил укол этого драгоценного обезболивающего средства. После нескольких изматывающих недель в море 5 декабря мы добрались до Пёрл-Харбора. Это был фантастический опыт – быть вытасканным специальной лебедкой прямо на носилках из глубин судна на верхнюю палубу! Я увидел раскачивающиеся пальмы, возвышающиеся на фоне бирюзового неба. Была комфортная теплая погода. Мягкий бриз, приносящий запах морской соли, дул с океана и проносился надо мной. Я наслаждался этим запахом свежего воздуха после тягостных недель в недрах судна. Мое лицо купалось в лучах солнца, а по щекам текли слезы... Машины скорой помощи отвезли нас в госпиталь. Уже вскоре мы погрузились в рутину регулярного питания, смены повязок, в игры в покер, в рассказы о войне, полные преувеличений, в написание писем домой. Как-то вечером, когда я почувствовал себя подавленным и, возможно, впал в депрессию, я по привычке попросил у дежурной флотской медсестры сделать мне укол морфия. Она внимательно посмотрела на меня, предварительно пробежавшись по моей медицинской карте. Затем она сказала командным голосом: «Нет! Вы в этом не нуждаетесь.» - «Что? - стал жаловаться я. – Давайте, сделайте сейчас же! Мне это очень нужно. В самом деле!» Но она снова твердо сказала: «Нет, говорю я вам. Вам этого не нужно, и вы этого не получите. Забудьте об этом и постарайтесь заснуть.»

Решительной походкой медсестра вышла, оставив меня потерявшим дар речи. Потом пришло трезвое осознание того, что она была полностью права. Я, как и многие другие, стал привыкать к этому проклятому средству. На следующий день я извинился перед медсестрой. Она улыбнулась, похлопала меня по руке и сказал с симпатией: «Все ОК, сынок, я понимаю. Не думай, что ты один такой.» С той поры, несмотря на то, что иногда меня прошибал сильный пот, единственным обезболивающим, которое я просил, был аспирин.»

В США

На следующий день пришли восхитительные новости: нас должны были переместить на госпитальное судно *Solace*. Второй хорошей новостью было то, что мы должны были прибыть на нем в Сан-Диего за два дня до Рождества! Путешествие домой прошло без происшествий. Мы пристали к причалу, с которого одетые в серое женщины приветствовали раненых, которых сгружали с борта. Когда мои носили стаскивали вниз по деревянному трапу, все эти женщины улыбались и выражали свою радость. Но было одно исключение: одна женщина средних лет, которая смотрела на меня с почти хмурым видом,

когда меня пронесли мимо нее. Мне было любопытно: может, я напомнил ей о ком-то, может, о сыне, который погиб в бою? Почему я остался жив, хотя и был тяжело ранен, почему тут оказался я, а не он? Эта сцена преследует меня по сей день...

В военно-морском госпитале в Сан-Диего меня поместили в одну палату с еще пятью морпехами. Один из них был молодым пареньком, вероятно, лет восемнадцати от роду, - он потерял в бою правый глаз. Каждый день, ближе к сумеркам, одна из сестер садилась рядом с ним и говорила ему что-то утешающее. Паренек говорил медсестрам, что боится потерять второй глаз из-за какой-нибудь болезни или из-за несчастного случая. Его пугала темнота. Иногда, в одну из долгих ночей, было слышно, как он рыдает. Потом его перевели в специальное отделение для слепых.

Были еще операции, снова из моих иссеченных ног удаляли осколки. Мне рекомендовали побольше ходить на костылях, и выздоровление пошло более стабильно. Вскоре я уже был в состоянии отбросить в сторону костыли, поскольку все стало заживать довольно быстро. В конце января я был обрадован сообщением о том, что мне дают 30-дневный отпуск по состоянию здоровья, и я, совершенно счастливый, отправился в долгое путешествие на поезде в свой родной город. Встреча с семьей запомнилась надолго, там было все: поцелуи, слезы, радостные восклицания и похлопывания по спине. Мама приготовила мне одно из своих несравненных блюд из спагетти с острыми колбасками и восхитительными тефтелями. Было там и красное вино, откуда-то, словно по волшебству, появились сыры и фрукты всех видов. Ночь превратилась в утро, наполненное радостью, любовью, рассказами и воспоминаниями из прекрасной истории нашей семьи.

Через месяц я вернулся в госпиталь, откуда меня выписали, после чего я получил назначение в караульную часть базы морской пехоты в Сан-Диего. Через несколько месяцев меня отправили в центр по производству боеприпасов для ВМФ в городе Хастингс/Hastings, штат Небраска. Контингент морпехов был задействован в охране этого центра, заключавшемся в патрулировании его территории на джипах. В конце лета 1944-го меня перевели на военно-воздушную базу ВМФ в городе Корпус Кристи/Corpus Christi, штат Техас, где я продолжил службу в охране. 16 февраля 1945 года я был уволен с военной службы по состоянию здоровья и отправился домой.

Послевоенные размышления

Теперь, на склоне лет, я иногда думаю о том, почему я выжил, тогда как так многие другие погибли. Некоторые считают, что на то была воля Божья, другие – счастливым стечением обстоятельств, еще кто-то – тем, что у меня на плече сидел ангел-хранитель. Другие говорят, что это были какие-то *особенные обстоятельства* или просто *госпожа удача*. Я сам в недоумении и не боюсь признать, что и сам не знаю. Я знаю то, что многие ветераны до сих пор платят нескончаемую и болезненную цену за свою службу. Поскольку у меня в ногах до сих пор сидят осколки той гранаты, моя жена насмешливо зовет меня *ходячая свалка* и говорит, что я позвякиваю, когда хожу. Я несколько раз попадал в госпиталь после увольнения со службы в 1945-м. Один раз это случилось в 1985-м в Таксоне/Tucson, где я теперь живу. Я попал в госпиталь на две недели с инфекцией, связанным с теми осколками. Во время операции хирург удалил кусок моей униформы и тот создающий проблемы осколок. Эта операция имела место через 42 года после того, как меня ранило.

Последний раз я попал в госпиталь в 2003-м. опять с осколочной инфекцией. Доктора сказали мне, что оставшиеся под кожей осколки снова могу вызвать инфекцию... Но я не жалуюсь. Как я могу жаловаться, когда столь многие получили куда более страшные увечья, такие как потеря конечностей, или тот рыдающий паренек, у которого снесло половину челюсти? По крайней мере. я жив, не то что те молодые и храбрые морские пехотинцы, чьи жизни оборвались, когда они были в расцвете сил. Я часто думаю о том японском солдате, который бросил гранату, ранившую меня, том, который сам был потом убит. Кем бы он ни был, я давно его простил. Он выполнял свой долг так, как он его понимал, а я выполнял свой. Кто он был, сколько ему было лет, как он выглядел? Было ли у него чувство юмора? Был он единственным сыном, или у него были братья и сестры? Был ли он так же испуган, как и я? Должно быть, он знал, что вот-вот погибнет... Какими были его последние мысли? Могло ли быть так, что при других обстоятельствах он и я стали бы друзьями, выпили бы холодного пива или теплого sake под суши? Все может быть.

В течение 60 лет я боролся со многими из военных воспоминаний. После увольнения из КМП я получил в колледже профессию журналиста и твердо решил заглушить все это и жить дальше, стараясь сделать карьеру. Может быть, меня мучило то, что когда-то называли контузией, теперь это называют посттравматическим стрессовым расстройством. Моя терпеливая матушка сидела рядом со мной многими бессонными ночами, когда я погружался в кошмары и выбирался из них. Когда я женился, я часто пугал свою жену, крича во сне что-то вроде: «Эй, они идут! Мы должны остановить их немедленно!» Так продолжалось время от времени в течение десятилетий, и я до сих пор иногда просыпаюсь в поту. Я редко обсуждал с кем-то засевшие во мне военные воспоминания. Моя жена выслушивала меня в тех случаях, когда я раскрывался...

А свое *Пурпурное Сердце* и другие медали я отдал своему 20-летнему внуку Никки. Я очень надеюсь, что у него никогда не будет собственных боевых наград.

<https://warfarehistorynetwork.com/article/coming-of-age-at-tarawa/>

Перевод – Владимир Крупник

Возврат к главной странице – www.warsstory.org